

ГОЛУБЫЕ ПАПКИ...

В СОЗНАНИИ почти всех людей Пьер Дежейтер — автор одного-единственного произведения «Интернационала». Этого представления не опровергает в общем и Большая Советская Энциклопедия, ограничившая сведения о Дежейтере довольно скудной заметкой (в которой, впрочем, названо мимоходом еще две песни) и ссылкой всего на один лишь источник: «Советская музыка», № 5 за 1947 год. Вот и вся библиография. По ней не представивши себе долгой, полной тяжелых перипетий жизни композитора, его драматической борьбы за право на авторство «Интернационала», возвращенное ему лишь в глубокой старости. Ничего нет в заметке БСЭ и о разнообразном наследии Дежейтера — композитора и поэта, о его песнях — лирических, антимилитаристских, солдатских, песнях о нашей стране, куда 80-летним стариком приезжал на праздник Октября автор бессмертного пролетарского гимна.

Но они есть, эти песни, они существуют! И пусть они станут известны всем.

Недавно мы познакомились с этими произведениями по рукописям и документам, хранящимся в сейфах Центрального государственного архива литературы и искусства.

На обложках серо-голубых папок, так же как в энциклопедии, допущена ошибка: в написании фамилии Дежейтера буква «ж» заменена буквой «г», — неточность, которую всегда исправлял Дежейтер и никогда не допускают французы. «Дегейтер» — дань городу Генту, родине композитора в Бельгии, но после переезда его родителей в Лилль прежнее фламандское произношение фамилии приобрело иное звучание.

Рукописи относятся преимущественно к двадцатым годам нашего века. Вот один из документов — выписка из решения апелляционного суда Парижа, датированная ноябрем 1923 года; она воскрешает перед нами самый тяжелый период жизни композитора — печальную историю его борьбы за авторство «Интернационала». Музыка гимна впервые была опубликована в 1888 году за подписью Дежейтера, но без указания имени. У Пьера Дежейтера был брат Адольф. И вот в минуту душевной слабости Адольф по настоянию Делори — мэра города Лилля — подписал документ о своем

якобы авторстве «Интернационала». Так возникли ссора и долгая тяжба с братом, крайне тягостные для Пьера. И Адольфа мучило совершенное им преступление перед братом; но только в 1915 году он написал покаянное письмо Пьеру.

Лишь через семь лет после этого письма Адольфа высший апелляционный суд Парижа вынес решение, по которому автором «Интернационала» был признан наконец Пьер Дежейтер...

В папках, хранящихся в архиве, ранних рукописей нет. Есть только упоминание в одном из документов о сочиненной много лет назад песенке на местном наречии — лилльском патуа. Это было в ту пору, когда в кабачках предместий старого Лилля исполнял свои куплеты по воскресным дням искусный резчик по дереву и не менее искусный шансонье Пьер Дежейтер.

В списке произведений, собственноручно составленном Дежейтером, эти давние песни не упоминаются. Но зато как много в нем песен, написанных в более поздние годы. Слова трех из них принадлежат Эжену Потье — «Интернационал», «Вперед, рабочий класс», «Инсургент». Автор слов остальных песен, за исключением двух — «Мечта о России» и «Безутешный», — сам Дежейтер. Здесь «Песня коммуниста», посвященная Марселю Кашену, «Марш фронтовиков» с припиской: «Эта песня написана специально для солдат последней из войн», «Серп и Молот» и «Триумф русской революции», обращенные к советским людям, «Красная дева» — памяти коммунарки Луизы Мишель и много других.

Но чьей неизвестной рукой старательно выведен на листке из тетрадки текст песни «Мечта о России» и подпись: «Слова Люсьены Дежейтер»? Кто она, эта Люсьена Дежейтер?

Работники Центрального архива не знают.

— Архив Дежейтера — сравнительно недавний дар, — пояснили они нам. — Не стоит ли вам обратиться к бывшему владельцу этих документов профессору Рубакину?

Сын знаменитого русского библиографа и писателя Николая Александровича Рубакина, о котором так тепло и хорошо говорил на съезде писателей Никита Сергеевич Хрущев, доктор медицинских наук, профессор А. Н. Рубакин долгие годы жил во Франции. Он хорошо был знаком с Де-

жейтером и помог нам разгадать загадки архива.

— Люсьена, — рассказывает Александр Николаевич, — внучка, вернее, внучатая племянница моего старого друга Пьера Дежейтера. Я бывал в его доме с 1928 года до последних дней его жизни. Они жили вдвоем с внучкой на улице Алуэтт. Люсьена хорошо пела, и французское слово «алуэтт» — жаворонок — подходило ей куда больше, чем маленькой улочке в Сен-Дени. Всякий раз, когда Дежейтер завершал свою новую песенку, Люсьена первой исполняла ее. Уже больному тогда Дежейтеру песни, исполнявшиеся внучкой, приносили гораздо больше облегчения, чем все лекарства, которые я мог ему прописать. Мне думается, что за все песенки, которые написал дед своей внучке, ей однажды захотелось как-нибудь отблагодарить его, вот она и сочинила стихотворение, которое так хорошо назвала «Мечтой о России». Именно Люсьена, — заключает свой рассказ Александр Николаевич, — и подарила мне после смерти Дежейтера все эти документы.

Мы задаем еще один вопрос профессору А. Н. Рубакину: не знает ли он также автора песни «Безутешный», текст и ноты которой мы видели в архиве? Да, он знает и его. Это — Дюко де ля Ай, адвокат Пьера Дежейтера. Как и многие другие, он однажды усомнился в способности своего подзащитного, простого рабочего, создавать музыкальные композиции и решил прроверить его: написал стихотворение «Безутешный» и попросил Пьера Дежейтера сложить слова на музыку. Песенка, сочиненная Пьером Дежейтером, опровергла сомнения адвоката.

...С обложек старых песен, изданных в Париже в начале века, смотрит на нас молодой человек с доброй, очень доброй усмешкой. И, глядя на него, автора вечной песни трудового люда, песни борьбы и побед, невольно вспомнили мы пророческие слова Владимира Ильича, написанные почти полвека назад: «В какую бы страну ни попал сознательный рабочий, куда бы ни забросила его судьба, каким бы чужаком ни чувствовал он себя, без языка, без знакомых, вдали от родины, — он может найти себе товарищей и друзей по знакомому напеву «Интернационала».

Е. ПЕЛЬСОН,
А. ЛАЗЕВНИКОВ